

РОССИЯ–США–КИТАЙ: РЕЗОНЫ И РИСКИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ВОЕННОГО СБЛИЖЕНИЯ¹

© 2020 г. С. М. Труш

Институт США и Канады РАН, Москва, Россия

E-mail: zebra758@gmail.com

Поступила в редакцию 22.06.2020 г.

После доработки 22.06.2020 г.

Принята к публикации 19.08.2020 г.

Военный союз между Китаем и Россией в настоящее время не представляется оправданным с точки зрения расширительно понимаемых интересов безопасности Российской Федерации. Такой союз существенным образом переформатировал бы структуру мировой многополярности, вызвав в ней значительную радикализацию и рост напряжённости. Этот союз, вероятно, обострил бы проблему безопасности РФ, а не способствовал её решению. Вместе с тем при других внешнеполитических условиях Россия по своим мотивациям, а Китай по своим могут вернуться к идее создания военного союза, если сочтут его необходимым и неотложным средством обеспечения своей безопасности в противостоянии с США.

Выход США из договоров о контроле над вооружениями, в частности из договора СНВ–3, означает закрепление ориентации этого государства на единоличное доминирование в стратегических вооружениях. Такое развитие событий перекрывает по значимости большинство аргументов против союзничества России и Китая.

Масштаб и формы нынешнего военного сотрудничества между РФ и КНР являются адекватными существующим внешнеполитическим условиям России. Однако пока оно не должно переходить “красной черты”. Такой границей следует признать взаимные чёткие гарантии участия обеих сторон в отражении внешней угрозы.

Ключевые слова: треугольник США–Россия–Китай, военный союз, Договор о РСМД, гарантии безопасности, контроль над вооружениями, модель развития, авторитарный режим.

DOI: 10.31857/S0869587320110092

В России под воздействием бурной динамики международных отношений последних лет и российского “поворота на Восток” идёт активное обсуждение целесообразности более тесных воен-

¹ Статья перепечатывается из журнала “США и Канада: экономика, политика, культура” (2020. № 3. С. 5–24).

ТРУШ Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИСК РАН.

ных связей с КНР, вплоть до необходимости заключения военного союза между странами.

Новый старт этим дискуссиям придало заявление В.В. Путина в октябре 2019 г. о том, что Россия оказывает практическую и консультативную помощь Китаю в создании национальной системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) [1]. Многие наблюдатели, как российские, так и зарубежные, расценили этот факт как элемент – начальный либо ограниченный – военного союза. Высказываются мнения, что Россия и Китай де-факто уже вступили в союзнические отношения либо что их отношения уже можно назвать “функциональным военным альянсом” [2, 3].

Так ли это на самом деле? Чем мотивировано и что означает заключение такого союза, исходя из интересов Российской Федерации? Каких целей может достичь Россия с помощью такого союза,

какие риски и последствия он предполагает? Адекватен ли этот шаг в настоящий момент с точки зрения российских интересов, какие альтернативы военному союзу РФ и КНР возможны?

СОЮЗ ИЛИ СБЛИЖЕНИЕ?

Понятия “союзник” и “союзнические отношения” могут трактоваться по-разному, но выделить их суть возможно. Как правило, под военным союзом подразумеваются юридически закреплённые взаимные гарантии государств-участников по отражению угрозы безопасности одному из них. Союзы обычно заключаются в условиях чёткого понимания общего врага или стратегического противника и предполагают координацию военного строительства (военных приготовлений, национальных программ вооружений) стран-участниц, а также эксклюзивные, доступные только союзнику поставки критических вооружений и технологий. Отношения союзничества в современных условиях принято закреплять соответствующими договорами, пактами, соглашениями, однако реальные договорённости (или их часть), содержащиеся в них, могут носить и негласный характер.

Очевидно, что если следовать данным критериям, то констатировать, что Россия и Китай уже вступили в военный союз хотя бы де-факто пока преждевременно. Никаких взаимных гарантий безопасности и собственно координации военного строительства Россия и Китай на данный момент не обнаруживают. В своих двусторонних отношениях они руководствуются Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, заключённом в 2001 г. Статья 9 этого договора гласит, что “в случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из сторон, может нарушить мир или затронуть интересы её безопасности, стороны незамедлительно проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы”. Согласно другой статье, стороны обязуются прилагать “совместные усилия по поддержанию глобального стратегического баланса и стабильности, а также всемерно способствуют неукоснительному соблюдению основополагающих договорённостей, обеспечивающих поддержание стратегической стабильности” [4]. Иными словами, не подразумевая никакой “союзности”, данный документ предусматривает лишь консультации даже в случае возникновения угрозы войны.

Вместе с тем очевидно, что за последние несколько лет, начиная с этапного 2014 г., движение России и Китая к более тесным военным отношениям было более чем заметным. Показателем этого следует признать прежде всего активную программу поставок вооружений из России в Китай, возобновившуюся и набравшую обороты во

второй половине 2010-х годов после длительной паузы (с 2003 г.). Сейчас Китай – крупнейший импортёр российских вооружений и лицензированных военных технологий. В 2016 г. экспорт российского оружия в КНР составил 3 млрд долл., превысив пик предыдущего периода в 2.7 млрд долл. (2002), и имеет тенденцию к дальнейшему увеличению. Благодаря этой программе Китай технологически перескочил через ряд ступеней в производстве, например, истребителей и зенитных управляемых ракет (ЗУР) дальнего действия, ракет класса “воздух-воздух”, действующих за пределами прямой видимости, беспилотных подводных аппаратов, бомб с лазерным наведением и т.д. Эксперты справедливо замечают, что российско-китайское военно-техническое сотрудничество (ВТС) в какой-то мере способствовало передаче статуса великой военно-технологической державы от России к Китаю [5]. Важной частью программ ВТС стали эксклюзивные поставки из России в Китай ракетных комплексов С-400 и современных истребителей Су-37. Последний вид оружия – Су-37 – Россия продаёт только Китаю.

Другим ещё более важным показателем военного сближения стала интенсификация совместных манёвров вооружённых сил двух стран. Здесь характерны и расширяющаяся география, и растущий масштаб военных учений. В 2015–2018 гг. флоты обеих стран принимали участие в совместных морских манёврах в Восточном Средиземноморье, в Балтийском, Охотском, Японском, Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Значимым шагом военного сотрудничества стали совместные общевойсковые манёвры “Восток-18”, проводившиеся на территории и в морской акватории Российского Дальнего Востока в Тихом океане. По официальным данным, с российской стороны в них приняли участие 300 тыс. военнослужащих, более 1 тыс. самолётов и вертолётов, а также кораблей Тихоокеанского и Северного флотов. Китай отправил в Россию около 3200 военнослужащих, 900 единиц различных типов вооружения и 30 летательных аппаратов, что составило крупнейший контингент вооружённых сил КНР, который когда-либо принимал участие в учениях на территории другого государства. Главная часть учений проходила на полигоне Цугол в Забайкальском крае, где присутствовали президент РФ В.В. Путин, а также главы министерств обороны России и Китая С. Шойгу и Вэй Фэнхэ.

Руководители военных ведомств России и Китая поддерживают регулярные контакты и обмениваются чувствительной информацией оборонного и разведывательного характера. Оборонные ведомства Китая и РФ имеют “дорожную карту” по военному сотрудничеству на 2017–2020 гг., подписанную 7 мая 2017 г. [5].

СТИМУЛЫ И МОТИВЫ СБЛИЖЕНИЯ

Если говорить о российской мотивации к военному сближению с Китаем, то она является логическим следствием всей сложившейся при президенте В.В. Путине внешнеполитической идеологии Российской Федерации, которую можно определить как идеологию “вставания с колен”. Она исходит из того, что утвердившееся после распада СССР положение России как “обычной” мировой державы неестественно и неадекватно с точки зрения её реальных возможностей и интересов. Россия, считают в Кремле, должна пройти возвратную эволюцию к более высокому статусу и большей роли в мировой политике. Это необходимо, чтобы предотвратить дальнейшее ухудшение международной среды для России, обусловленное “социал-дарвинистской” сущностью этой среды. Социал-дарвинизм, по мнению Москвы, проявился в первую очередь в несправедливом, “нечестном” и “корыстном” поведении Запада, нацеленного на максимизацию своих интересов в мире, заполнения вакуума власти после распада СССР. Конкретным проявлением этого, согласно идеологии В.В. Путина, стало расширение НАТО в Европе, непризнание законных интересов России на постсоветском пространстве, отказ от прежней структуры договорённостей в области контроля над вооружениями, вытеснение России в ключевых региональных горячих точках, на Ближнем и Среднем Востоке, а также в АТР, в Африке и Латинской Америке. В рамках этой идеологии Китай рассматривается как наиболее мощный, растущий и перспективный из незападных полюсов мира, причём полюс, который наиболее активно нацелен на слом традиционного статус-кво. В связи с этим сближение между Россией с её обозначенными внешнеполитическими мотивациями и Китаем представляется весьма логичным.

С приходом администрации Д. Трампа, когда обострились двусторонние отношения США и с Россией, и с Китаем, взаимное тяготение Москвы и Пекина ещё более усилилось. Если говорить о китайской стороне, то это в первую очередь торговая война, нарастание неопределённости и военной конфронтации в китайско-американских отношениях, усиление цивилизационного фактора в двусторонних разногласиях, обострение конкуренции США и КНР в технологической сфере, ужесточение идеологической полемики, отход США от линии “трёх коммюнике” в тайваньском вопросе, наконец, активное содействие США нарастанию социальной напряжённости в Гонконге. Фиксируя усиливающуюся нестабильность в результате американского давления, китайский центр стал отходить от ранее доминировавшего представления о нецелесообразности союзнических отношений с какой-либо из крупных

стран, трактовке их как неоправданного бремени для независимой и самостоятельной китайской внешней политики.

Если говорить о российской стороне, то для неё крайне болезненным оказались санкционное давление США и Запада на и без того нединамичную российскую экономику, перекрытие каналов кредитования российских компаний западными банками, сокращение и так неактивного потока западных инвестиций, блокирование российского сырьевого экспорта, нарастание деструктивной антироссийской пропаганды в США, свёртывание практически всего комплекса российско-американских гуманитарных связей.

Особое воздействие на Россию и Китай оказала эволюция военной политики Д. Трампа, беспрецедентное повышение планки военных расходов США до уровня свыше 725.5 млрд долл. (2019), доктринальная квалификация Китая и России в качестве стратегических соперников в Стратегии национальной безопасности США, обнародованной в 2017 г., выдвижение Индо-Тихоокеанской стратегии Соединённых Штатов в качестве оптимального формата для купирования китайской угрозы и геэкономических коммуникаций КНР и, наконец, выход США из Договора о РСМД с последующим испытанием нового поколения американских ракет средней дальности [6]. Для Москвы и Пекина такие действия США практически исключают какие-либо альтернативы военного сближения. Так, после развала Договора о РСМД создалась ситуация, когда при гипотетическом размещении американских крылатых ракет, например, в Эстонии, полётное время до Москвы составит чуть более одной минуты. С другой стороны, американские средства средней дальности, размещённые в акватории или на территориях АТР, ставят под прицел практически любую точку КНР и существенно нивелируют потенциал ответного удара китайских ядерных сил.

Действия США неизбежно подталкивают Россию и Китай к более тесным военно-политическим контактам – это самый сильный ход Москвы и Пекина в противодействии администрации Д. Трампа. Военный бюджет США, сравнимый с совокупным годовым военным бюджетом всех стран мира, объективно диктует необходимость сложить меньшие военные бюджеты Китая (250 млрд долл., 2019 г.) и России (46 млрд долл., 2019 г.) с целью противостоять американской угрозе. Совместная российско-китайская военная стратегия на пространствах Большой Евразии, включая Восточно-Европейский, Центрально-Азиатский, Восточно-Тихоокеанский и Арктический театры военной активности составила бы адекватный ответ расширению НАТО и Индо-Тихоокеанской стратегии США.

Не менее важные мотивации союзничества России и Китая — базовые двусторонние факторы притяжения двух стран: геополитическое соседство, протяжённая двусторонняя граница, обоюдная важность поддержания прочного добрососедства, крайне высокая цена обоюдной конфронтации. К двусторонним факторам сближения следует отнести и взаимодополняемость двух экономик, хотя это утверждение является дискуссионным и требует уточнения базовых критериев такой оценки.

Помимо факторов чисто внешнеполитического и стратегического характера, военное сближение России и Китая мотивируется и существенной близостью стран с точки зрения внутриэкономического, внутривнутриполитического и цивилизационно-ценностного измерений. Оба государства представляют собой государственно-капиталистические экономики, авторитарные политические режимы (хотя и в разной степени) с эмбриональным развитием среднего класса и атрибутами его политической вовлечённости, с собственным опытом коммунистического эксперимента, с глубокими традициями имперской истории и коллективистского сознания. Оба режима привержены централизационно-государственническим формам управления и решению стоящих перед ними социальных и экономических проблем. Их элиты весьма созвучны друг другу по насаждаемой внутри и вовне политической философии: государственная идеология, патриотизм, “вставание с колен”, “китайская мечта”, Большая Евразия, “Один пояс — один путь”, “Русский мир”, “Сообщество единой судьбы”.

Политическому режиму современной России гораздо комфортнее, политически продуктивнее и намного безопаснее иметь в качестве союзника более понятный по духу и методам управления авторитарный режим, чем западную демократию. Западные демократии относятся к России и к её руководству более критично, не разделяя многие традиционные трактовки Россией её внешнеполитических интересов и сфер влияния, обличая “имперские корни” её международной стратегии.

Китай с присущими ему внутривнутриполитическими идеологическими и политико-психологическими характеристиками также воспринимает Москву как более естественного и надёжного партнёра, чем какую-либо западную демократию. Китайская модель развития, с теми или иными минусами, пока обеспечивает высокий и стабильный экономический рост и решение базовых социальных задач, но проблема эволюционной изменчивости этой модели, управляемости полутраммиллиардного социума, равно как и проблема социальной стабильности, не сброшены Пекином со счетов. Торговые войны, общее ухудшение отношений с Западом, замедление прежних

темпов роста, социальные катаклизмы, проявляющиеся в чувствительных сегментах китайского общества (Гонконг) свидетельствуют о том, что в ближайшей перспективе эта проблема будет сохранять свою остроту и актуальность. Поэтому с точки зрения базовых ценностей и традиций Москва и Пекин, несомненно, близки друг другу и могут стать ключевыми военными союзниками.

РАЗНОЕ ПОНИМАНИЕ США

Говоря о военном сближении таких крупных стран, как Китай и Россия, необходимо отметить, что в современную высокотехнологичную ракетно-ядерную эпоху с многократно возросшими возможностями взаимного уничтожения наличие союзных военных гарантий в отношении какой-либо страны может привести к диаметрально противоположным результатам с точки зрения её безопасности. С одной стороны, взаимные гарантии безопасности для каждого участника военного союза России и Китая перед лицом США объективно усиливают для них риски собственного уничтожения. В случае союзных отношений РФ и КНР российско-американо-китайский треугольник как таковой фактически прекращает своё существование, на смену ему приходит ось противостояния США против РФ—КНР с соответствующими целями для американского ядерного удара. Такой удар со стороны США — превентивный или ответный — будет однозначно планироваться и наноситься по обоим союзникам. С другой стороны, военное взаимодействие России и Китая может рассматриваться и как очевидное благо для России, поскольку союз двух ракетно-ядерных держав делает самоубийственным для США ядерное нападение на любую из них, или, по крайней мере, высоко поднимает планку риска для американцев.

Нужно заметить, что нынешний расклад ракетно-ядерных потенциалов трёх сторон, а также действенность их систем ПРО таковы, что Китай оказывается более уязвимым в случае ракетного нападения США, нежели Россия. Поэтому союзнические отношения с Россией для Китая более выгодны. Ответный удар России по США в случае нападения США на Китай может явиться для последнего фактором, значительно снижающим риск подвергнуться ядерному нападению. Для России главная гарантия от нападения США — собственный потенциал и собственный гарантированный ответный удар.

Военный союз с Россией ценен для Китая и с той точки зрения, что, имея благодаря России определённую страховку от ядерного нападения США, Китай с его динамичной экономикой, помимо всего прочего, получает шанс передышки, расширяются его окна возможностей в области технологического соревнования с США. Нахо-

дьясь в известной степени под прикрытием российской экс-сверхдержавы, Китай как потенциальная новая сверхдержава способен использовать шанс достижения паритета либо даже технологического превосходства над США. Такое превосходство может быть достигнуто за счёт прорыва к сверхновым критическим военным технологиям, нивелирующим преимущества США в традиционных ракетно-ядерных, а также и в новых высокоточных, гиперзвуковых, кинетических видах оружия.

Военный союз – это прежде всего реакция стран на чётко обозначившуюся, конкретную и недвусмысленную военную угрозу – угрозу их суверенитету и независимому развитию, стремление объединить усилия для её отражения. От того, насколько гармонично, одинаково остро стороны ощущают эту угрозу для себя, в какой мере не видят других, в том числе и невоенных альтернатив её купирования, зависит степень союзной солидарности.

Пока нельзя сказать со всей определённостью, что такая угроза Россией и Китаем воспринимается одинаково. Можно утверждать, что для обеих наших стран главная опасность, исходящая от США, имеет два основных аспекта: 1) угроза военной победы США в полномасштабной ракетно-ядерной войне; 2) угроза размывания национальных моделей развития и утраты государственной самостоятельности в результате системной конкуренции с США. При этом если для России одинаково важными представляются оба аспекта – и военный, и с точки зрения модели развития, то для Китая более актуальным является первый аспект. В том, что касается модели развития и государственной самостоятельности, Китай чувствует себя более уверенно. Соответственно этому Россия более заинтересована договариваться с США о контроле над вооружениями, хотя её шансы мотивировать к этому США неуклонно сокращаются из-за растущих экономических проблем и нехватки ресурсов для продолжения гонки вооружений. Китай, со своей стороны, будучи сильно мотивирован в разоруженческом аспекте давления на США, пока не имеет здесь достаточных козырей. При этом он склонен жёстко торговаться и отстаивать свою политико-экономическую модель развития, смещая основную сферу противостояния и конкуренции в экономическую и научно-технологическую область. Позиция, занимаемая КНР в ходе развернувшейся торговой войны с США, наглядно демонстрирует эту жёсткость.

При таком раскладе базовых мотиваций Россия и Китай явно взаимно заинтересованы подкреплять друг друга в давлении на США: Россия – в плане контроля над вооружениями, Китай – в экономике и технологиях. Для Китая важна соли-

дарная с ним позиция России по вовлечению КНР в процесс контроля над вооружениями, в частности, в свете предложений Д. Трампа по трёхстороннему договору о РСМД. Для России крайне значимой могла бы стать опора на финансовые ресурсы и кредиты Китая в условиях санкций, перекрывающих каналы финансирования и кредитования со стороны западных банков.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЕННОГО СБЛИЖЕНИЯ

Важным фактором, который России необходимо принимать в расчёт с точки зрения перспективы военного союза, является то, что для России и Китая – крупных мировых игроков и полюсов многополярности – характерны сложные структуры внешнеполитических интересов. Эти структуры имеют свою историю, свой генезис, свои региональные акценты, отличаются разной степенью вовлечённости в конфликты в горячих точках мира или межстрановые. Для России, например, ключевым ступком интересов является Европа и постсоветское пространство, для Китая – ближайшие соседи (Индия, Япония, Корея) и регион АТР. Вступая в военный союз, Россия и Китай будут вынуждены модифицировать или полностью принимать точку зрения своего союзника на вопросы и противоречия, в которые они ранее были слабо вовлечены. Так, Россия будет вынуждена занимать более солидарную позицию по пограничным конфликтам КНР в Восточном и Южно-Китайском морях, в отношениях КНР с Индией, Японией, обеими Кореями. Китай в свою очередь должен будет поддерживать РФ в отношениях с НАТО (очень часто в разрез со своими экономическими интересами в Европе), по украинскому и крымскому вопросам.

Гипотетически возможное вступление России и Китая в военный союз сильнейшим образом радикализирует, приведёт в движение мультиполярную мировую структуру, окажет значительное воздействие на каждый из мировых полюсов. Это и понятно, поскольку, по сути, это будет означать существенный пересмотр уже сложившегося расклада сил, стремление других полюсов найти более равновесное и безопасное для себя состояние, в том числе за счёт укрепления межполюсных взаимосвязей.

Разумеется, центральная тема в данном случае – вопрос о том, какое конкретное воздействие российско-китайский альянс окажет на главного противостоящего им контрагента – США. Понятно, что речь не может идти о попытках предугадать всю палитру конкретных шагов и действий Белого дома во внешнеполитическом, военно-техническом и стратегическом аспекте в ответ на создание российско-китайского военного союза. Скорее здесь можно говорить о прогнозе ключевых внешнеполитических мотиваций,

новых идеологических установок, наиболее вероятных военных и дипломатических мер со стороны США.

Во-первых, не возникает сомнений, что США воспримут заключение российско-китайского военного союза как существенное ухудшение мировой обстановки, ужесточение конкурентной борьбы Вашингтона с Москвой и Пекином. Вашингтон, скорее всего, расценит степень этого ухудшения достаточной для того, чтобы предпринять политические, дипломатические и военные меры экстраординарного характера, в результате чего общий градус отношений в треугольнике США–РФ–Китай резко повысится.

Наиболее вероятно предположить, что российско-китайский военный союз окажет цементирующее воздействие на трансатлантическую солидарность, укрепит военно-политическую связку США–НАТО, что поможет этому союзу, вопреки линии Д. Трампа, не усугублять наметившиеся центробежные тенденции. В дальнейшем данный тренд способен привести к формированию некоторой новой военно-политической конфигурации – своего рода “четырёхзвенной биполярности”: с одной стороны, трансатлантический полюс в лице США и Европы, с другой – евразийский альянс Россия–Китай. Такая дихотомия приобрела бы ярко выраженную геополитическую конфигурацию в виде новой оси Запад–Восток. В этом случае, например, весьма вероятно, что решение о размещении в Европе американских ракет средней дальности – на что пока действует мораторий и с американской, и с европейской стороны – будет всё-таки принято. Рост общей мировой напряжённости в целом и критических угроз для российской безопасности в частности окажется весьма существенным.

Наряду с усилением трансатлантической солидарности США, по-видимому, пойдут по пути ответного укрепления своих военно-политических союзов и связей как в АТР (Япония, Корея, Австралия, Филиппины, Таиланд, Сингапур), так и за рамками региона. Усиление уже существующих союзнических отношений США наиболее вероятно будет сопровождаться, с одной стороны, компромиссами, уступками и стимулирующими мерами в отношении партнёров, с другой – давлением США на своих союзников в сторону ужесточения их обязательств и материальных затрат по совместной обороне, мотивированного фактором российско-китайского “сговора”.

Такая аргументация с наибольшей вероятностью найдёт применение в отношениях с Японией с целью увеличить её вклад на нужды обороны. Для США появятся сильные дополнительные аргументы лоббировать отмену статьи 9 конституции Японии, не разрешающей последней иметь собственные вооружённые силы. Вполне реали-

стична постановка вопроса о более активном участии Японии в региональной ПРО. Желательное для США размещение в Японии американских ракет средней дальности и крылатых ракет вряд ли осуществимо в силу возможного существенно-го противодействия этому внутри Японии.

На корейском направлении можно прежде всего предполагать сильную деградацию инициативы Д. Трампа по денуклеаризации Северной Кореи и улучшению связей с Ким Чен Ыном. Возможностей для компромисса с США станет значительно меньше. Ким Чен Ын, по всей вероятности, будет рассматривать заключение российско-китайского союза как сильный аргумент в свою пользу в торге с США и заметно повысит планку переговорных требований. Эти требования были неприемлемы для Д. Трампа и в прежних, более скромных редакциях. Можно предположить, что Ким Чен Ын будет более сговорчив в переговорах с КНР, особенно в том, что касается интенсивности и темпов развития ядерной и ракетных программ КНДР, частоты ракетных и ядерных испытаний. В ответ Северная Корея, скорее всего, будет настаивать на увеличении китайской экономической помощи, в первую очередь в энергетической сфере. В новых условиях союзничества эти требования могут быть адресованы и России.

В случае заключения российско-китайского союза и дальнейшего отхода КНДР от прежних обещаний по денуклеаризации и разрядке США получат больше аргументов в пользу усиления военного вклада Южной Кореи в региональную безопасность. Конкретно это может выразиться в увеличении расходов РК по содержанию на её территории американского контингента, расширении функций и задач корейского флота, в том числе и в Западной акватории Тихого океана, размещении дополнительных средств ПРО на корейской территории.

Помимо этого, заключение российско-китайского военного союза может мотивировать США к установлению и упрочению военно-политических связей с важными для КНР и России странами, такими как Афганистан и Вьетнам. Особые же усилия США будут предпринимать в отношении Индии, которая с возникновением российско-китайского альянса будет испытывать серьёзное напряжение в своих отношениях в рамках БРИКС и получит дополнительные стимулы движения в сторону американцев.

РАЗНЫЕ ТРАКТОВКИ БЕЗОПАСНОСТИ: РИСКИ МОСКВЫ

При обсуждении доводов за и против союза России с Китаем “существует точка зрения, что, сотрудничая с Китаем во многих областях,

Россия почти ничего не теряет с точки зрения безопасности, зато осложняет жизнь США, укрепляет отношения с ключевым партнёром и получает экономический выигрыш” [2]. Аргументируя такую позицию, её сторонники отмечают, что первостепенными источниками беспокойства для России были бы китайские сухопутные силы, ракеты среднего радиуса, в то время как китайские ПРО, возможности СПРН и усиление морского флота КНР, что особенно беспокоит США, для России не являются серьёзным вызовом [2]. Эта точка зрения верна в определённой системе координат, но вряд ли правомерна, если рассматривать безопасность России расширительно.

Действительно, композиция, расклад и характеристики военных потенциалов России и Китая, наиболее вероятный гипотетический сценарий военного столкновения между РФ и КНР таковы, что Россия имеет определённые возможности относительно безрискового военного сотрудничества с КНР в форме союзнических отношений, причём направленных в первую очередь и фактически против США. Система предупреждения о ракетном нападении, о сотрудничестве по которой с КНР президент РФ объявил в октябре 2019 г., – вероятнее всего, одна из таких возможностей. В условиях подавляющего преимущества РФ в средствах доставки ядерных боеприпасов на территорию КНР, пока ограниченных китайских возможностей ПРО данная “услуга” никоим образом не представляет серьёзных рисков для России [2]. Наоборот, в определённом смысле она является положительной для РФ мерой, поскольку в конечном счёте работает на упрочение глобальной стратегической стабильности и сковывает американские возможности первого удара по КНР.

Однако коридор таких достаточно безрисковых шагов военного сотрудничества для РФ достаточно ограничен. Даже дальнейшие гипотетические меры по усилению китайской ПРО, технологический, консультационный обмен в этой области может быть весьма чувствителен для российских наступательных возможностей, в том числе и *vis-a-vis* КНР. Предоставление таких услуг со стороны России было бы абсолютно неоправданным иррациональным шагом для любого российского руководства, вне зависимости от внутриполитической цены подобного шага. Напомним, что даже при большей идеологической гомогенности двух стран и в условиях полномасштабной “холодной войны” с США в конце 1950-х годов СССР не пошёл не только на раскрытие Китаю секретов ядерного оружия, но и на менее значимые услуги военно-стратегического характера, в частности в предоставлении Китаю

систем радиолокационной разведки по слежению за флотом США в Тихом океане.

Если рассматривать проблему безопасности РФ более широко, следует признать, что существенным и вполне осязаемым риском военного союза с КНР является вероятность инерционного его развития, его превращения в некую более масштабную и системную взаимозависимость между РФ и КНР. Такая взаимозависимость, опирающаяся на существующие макроэкономические и макрополитические реальности современных России и Китая, преимущества последнего в экономике и темпах роста, способна создать угрозу независимости, самодостаточности и в итоге успешности модели развития современной России. Плата за “вставание с колен” на китайских плечах может быть слишком велика и обернуться утратой Россией самодостаточной и автономной роли глобального мирового полюса. Конечно, пока речь идёт не о риске сегодняшнего дня, а о потенциальном сценарии будущего. Однако ставки в этом вопросе чрезвычайно высоки, и факторы, его предопределяющие, вполне реально просматриваются уже сейчас.

Три главных фактора внутрироссийского и международного плана делают такой тревожный сценарий вполне вероятным.

Первый – отсутствие на данный момент внятной и успешной стратегии экономического развития Российской Федерации, ориентированной на достижение устойчивых темпов роста, технологическую модернизацию, прорыв в фундаментальной науке, избавление от сырьевой зависимости в экономике. Сюда следует отнести и полное отсутствие мотивации правящей элиты России к построению социально ориентированного государства.

Второй фактор – крайне обострившиеся в последние годы социальные, региональные и материальные диспропорции российского общества, его резкая поляризация как результат посткоммунистической фазы его эволюции, отсутствия в политической системе РФ сколь-нибудь дееспособной системы мониторинга, согласования и разрешения множественных внутрисоциальных и политических противоречий. Такое положение усиливает акцент государства исключительно на авторитарные, силовые методы управления и идеологическую индоктринацию.

Третий фактор – объективно продолжающийся процесс глобализации и информационной революции, возрастающая роль внешних, трансграничных факторов внутреннего политического и экономического развития и как ответ российской элиты на это – чрезмерная идеологизация внешней политики и поиск внешних врагов.

Все данные обстоятельства серьёзно обостряют риск неблагоприятного внешнего влияния на приоритеты внутреннего развития и социально-экономическую политику проблемного государства, которым постепенно становится Российская Федерация.

Можно предположить, что Китай, несмотря на замедление в последние годы темпов роста (в силу объективных и субъективных причин), в обозримом будущем будет многократно опережать Россию по экономическим параметрам и темпам развития. А значит, вкупе с нарастающим технологическим ростом эта тенденция будет работать на сокращение разрыва в ракетно-ядерном потенциале между КНР и бывшими сверхдержавами, нивелируя таким образом привлекательность России для союзнических отношений с КНР. Между тем растущее преимущество в экономике, накопленные финансовые и другие материальные и технологические ресурсы объективно выдвигают Китай на роль главенствующего участника союзнического альянса. Это может проявиться в разных формах, в том числе и в военной стратегии – в определении и квалификации главного врага, распределении конкретных ролей и обязанностей в противодействии США, в планах военного строительства, в приоритете одних региональных театров действий и активности в других. Доминирующий партнёр получит возможность влиять на внешнеполитические ориентиры, идеологию, бюджетные расходы, следовательно, и на экономическую и в целом на всю стратегию своего “младшего” союзника. В условиях экономического превосходства КНР, с одной стороны, бойкота и изоляции России на западных финансовых, товарных и сырьевых рынках – с другой, возможности Китая управлять своим “младшим” партнёром многократно возрастают. В этом смысле статус России в двустороннем военном союзе с Китаем может в будущем сильно походить на подчинённую роль Японии в американо-японском альянсе. Возможно и идеологическое, ценностное влияние “старшего” союзника на своего более слабого контрагента.

Успешная вплоть до настоящего времени модель (“пекинский консенсус”), основанная на национально специфических исходных условиях развития КНР – демографический фактор, большой резервуар дешёвого труда, традиции авторитаризма и сильного государства, конфуцианская этика труда, потребления и социальных отношений, примат коллективизма над индивидуализмом в противопоставлении с малоэффективной экономической стратегией и практикой России, остротой внутрироссийских противоречий способны привести к некритическому навязыванию РФ китайских экономических практик и опыта, положительно сработавших на китайской почве.

Китай вполне может педалировать в России опыт авторитарных методов управления экономикой и социумом, финансовой нерыночной поддержки госкорпораций, расширения доли и роли госсектора в качестве политической опоры режима, практики многоуровневого, административно управляемого ценообразования, усечённых социальных обязательств государства, агрессивных форм контроля над населением. Причём такое влияние может многократно усиливаться за счёт нарастания политических проблем российского руководства, обострения социальной напряжённости в России в силу названных выше факторов, пропагандистски объясняемых мнимым ростом внешней угрозы.

Риском союзнической инерции становится растворение внешнеполитических интересов России как проблемного “младшего” партнёра в преобладающих интересах сильного союзника – Китая. В качестве пока ещё значимого и самостоятельного мирового полюса Россия имеет собственные, не совпадающие с китайскими внешнеполитические и геоэкономические интересы. В частности, Россия заинтересована в интернационализации процесса переговоров и контроля над стратегическими вооружениями, несмотря на их усложнение, а КНР пока отказывается брать на себя какие-либо обязательства в данной сфере. Китай как ключевой мировой потребитель сырья заинтересован в снижении цены на сырьё и ростом разнообразия его рыночных источников. Для России, наоборот, предпочтительнее поддержание высоких цен на углеводороды и своей привилегированной роли на мировом рынке сырья. России необходимо сохранить ключевую роль транспортно-логистического моста между КНР и Европой, Китай, напротив, следует стратегии многоканального и вариативного доступа на мировые рынки сбыта и сырья в рамках мегапроекта “Один пояс – один путь”. Китай отстаивает свои геополитические интересы в свободном доступе и эксплуатации Северного морского пути – Россия стремится сохранить свои привилегии в качестве одной из арктических держав. Между Россией и Китаем наметились зримые противоречия в регионе Центральной Азии, в первую очередь в Казахстане, становящемся буферным государством между ареалом Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайским экономическим проектом.

Опираясь на роль старшего, экономически более мощного партнёра и финансового донора РФ, Китай способен эффективно продавливать свои приоритеты и интересы за счёт российских позиций. Эта тенденция уже проявилась применительно к китайской инициативе “Один пояс – один путь”, идея сопряжения которой с российской инициативой ЕАЭС пока явно пробуксовы-

вает и не наполняется реальными проектами. Сам процесс дальнейшей консолидации и роста интегративности ЕАЭС сталкивается с серьёзными трудностями и ограничениями. Идея Большой Евразии в существенной степени остаётся чисто пропагандистским слоганом. С точки зрения интересов России, серьёзные вопросы – реальная выгода, рентабельность, сроки окупаемости масштабных российско-китайских энергетических проектов в области углеводородов (нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан, газопровод “Сила Сибири”), проистекающие из монополии одного потребителя. В условиях госкапитализма с высоким уровнем коррупции вызывает опасения тот факт, что экономическое внедрение Китая на российское экономическое пространство будет идти вразрез с интересами широких слоёв населения и будущих поколений².

Суммарным результатом этого может стать утрата Россией роли самостоятельного и самодостаточного мирового полюса, вплоть до превращения в китайского сателлита.

ЖУПЕЛ АНТИАМЕРИКАНИЗМА

Один из основных рисков инерции российско-китайского военного альянса – риск закрепления антиамериканизма в качестве главного внешнеполитического приоритета российско-китайского союзничества.

Россия, в интересах своего внутреннего развития, в интересах открытости и адекватной включённости в глобальную экономику, в международную систему, в интересах развития и поддержания нормального гуманитарного и культурного взаимодействия с внешним миром нуждается в стабильных и прочных отношениях как с Китаем, так и с США. Нынешний кризис, который переживают российско-американские отношения, – результат стратегии поведения двух сторон. Преодолеваются он тоже должен в результате обоюдного компромисса.

Картина российско-американских отношений за последнее десятилетие не является чёрно-белой. Запад прошёл свой, а Россия свой отрезок пути к нынешнему конфликтному состоянию дел. В частности, не отвергая и не отрицая деструктивности решения о расширении НАТО после распада СССР, необходимо учитывать, что оно принималось в условиях неопределённости и незаконченности системных преобразований в России в течение 1990-х годов, распространения на Западе представлений о возможности комму-

нистической реставрации в РФ. Это было наглядно продемонстрировано путчем 1993 г., выборами 1996 г., отсутствием решительной десталинизации и подлинной демократизации постсоветского общества. Запад страховался от не исключённой в будущем российской угрозы. Он избрал для этого наиболее простой способ вместо того, чтобы следовать более сложному, более длительному, более затратному, но, возможно, более успешному пути – строительству углублённой, менее хрупкой и более взаимозависимой системы безопасности с посткоммунистической Россией. Запад оказался не готов идти на больший политический риск, который мог бы привести к более благоприятной трансформации РФ и более устойчивым стратегическим отношениям с Москвой.

США и Россия как самые мощные в мире ядерные державы заинтересованы в восстановлении мирового режима контроля над вооружениями. В настоящее время нет резонов предполагать, что альтернативой двусторонним режимам контроля над вооружениями станут многосторонние или региональные соглашения.

Несмотря на нынешнюю остроту российско-американских разногласий, узконаправленный национализм В.В. Путина и Д. Трампа, российский “веймарский” синдром и внутриамериканский поиск новой идентичности, Россия не должна закреплять ненависть к Америке в качестве вечной особенности своего взгляда на мир. Америка и устойчивость отношений с ней для России ценны сами по себе и не должны являться функцией российско-китайского сотрудничества.

ВЫВОДЫ: ВОЗМОЖНОСТИ И УСЛОВИЯ

Подводя итог, можно сказать, что на данном временном срезе военный союз между Китаем и Россией не представляется оправданным и адекватным шагом с точки зрения расширительно понимаемых интересов безопасности Российской Федерации. Этот союз двух полюсов глобальной многополярности значительно переформатировал бы её структуру, вызвав в ней радикализацию и рост напряжённости. Вполне вероятно, что он обострил бы экзистенциальную проблему безопасности РФ, а не способствовал её решению. Такое переформатирование полюсов с участием восходящего Китая и социально проблемной России, скорее, может привести нашу страну к утрате самостоятельного “полюсного” статуса, а отнюдь не к “вставанию с колен”.

Основываясь на концепции “политического реализма”, можно предположить две макростратегии РФ в нынешнем треугольнике США–Китай–Россия с учётом имеющихся потенциалов в экономической и военной области. Первая мак-

² В России широкую огласку получили вопиющие факты сращивания интересов коррумпированного российского чиновничества и китайского бизнеса в сфере лесозаготовок и организации китайского туризма в Российской Федерации.

ростратегия предполагала бы присоединение — союз — экономически слабой РФ к одному из экономически сильных акторов, борющихся за превосходство. Посредством такого союза Россия дипломатически компенсировала бы свою слабость, капитализировалась бы на данном союзе, чтобы преодолеть своё экономическое отставание. Минусом такого взаимодействия, что очевидно, стала бы зависимость от “старшего” контрагента, риск проиграть в конфликте за его интересы.

Другая макростратегия предполагает состояние равноудалённости РФ от двух экономически сильных стран, сохранение свободы действий. Тот факт, что в случае ракетно-ядерного обмена у России есть потенциал ответно уничтожить даже экономически сильного противника (США), обеспечивает ей некоторую усечённую гарантию от нападения и выигрыш во времени для компенсации своего экономического отставания. С учётом всех изложенных выше факторов и обстоятельств такая макростратегия представляется более предпочтительной.

Избегание прямого и однозначного военного союзничества России с Китаем в настоящий момент не означает закрытие этой возможности навечно. Вечных интересов, равно как и вечных табу, в международных отношениях не бывает. Россия по своим мотивациям, а Китай по своим могут вернуться к идее военного союза, если сочтут его необходимым и неотложным средством обеспечения своей безопасности от США. Наиболее сильными стимулами для этого могут стать действия США в адрес любого из двух государств, резко нарушающие сложившийся военно-стратегический баланс или направленные на его нарушение. В частности, Россия и Китай, вероятно, не смогут избежать союзничества и взаимных гарантий защиты в случае размещения США ракетных средств доставки ядерного оружия в странах Восточной Европы со сверхкоротким полётным временем до Москвы и других территорий РФ. Мотивом и явным стимулом к заключению союзного договора могут явиться аналогичные меры США в АТР — разработка и размещение американских ракет средней дальности на континенте или на мобильных носителях в регионе. Китай имеет определённую подушку безопасности и временной гандикап в случае подобного шага США. Несмотря на это, он вправе расценивать любые меры США по слову сложившегося баланса сил в свою сторону как повод для союзных гарантий с Россией, особенно в условиях преимущества США в стратегических средствах доставки.

Таким поводом для обоих союзников — и России, и Китая — может быть и полный отказ США от юридически обязывающих договорённостей с

Россией по вопросам контроля над стратегическими вооружениями, в первую очередь по Договору СНВ–3, истекающему в 2021 г. Выход США из этого договора и однозначная их ориентация на единоличное доминирование в стратегических вооружениях перекрывают по значимости многие из приведённых здесь аргументов против союзничества России и Китая. Угроза военного союза Китая и России — серьёзное средство сдерживания США от этого шага, независимо от того, кто будет стоять у руля в США — Трамп или его приемник.

Что должны и могут делать Россия и Китай в плане военного сотрудничества в настоящий период, в отсутствие союзных отношений? Наверное, ответ на этот вопрос будет звучать так: следует поддерживать и развивать все другие виды сотрудничества, не переходя красную линию. Такой красной линией надо признать взаимные гарантии участия сторон в отражении внешней угрозы. Всё то, что Россия и Китай осуществляют сейчас, — доверительные консультации и предоставление разведывательной информации в области внешней политики, по военным планам и действиям США, эксклюзивные поставки критически значимых вооружений, совместные военные манёвры различных видов и родов войск, совместные командно-штабные учения, совместное патрулирование воздушного и морского пространства — необходимо и целесообразно продолжать. Кроме того, Россия и Китай вполне могут договориться о сложении сил, — капиталов, производственных мощностей и технологий для разработки и выпуска на основе кооперации конкурентоспособных видов наукоёмких вооружений для собственного потребления и экспорта в третьи страны.

Эффективная дипломатия порой предполагает прямой и ясный недипломатический язык. Это особенно важно, когда речь идёт о долгосрочном внешнеполитическом партнёре, пониманием, доверием и расположением которого России нужно дорожить. У России и Китая есть возможность и необходимость сохранять продуктивные партнёрские отношения, не переводя их в военно-политический и военно-технологический союз.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта “Стратегический треугольник США–КНР–РФ: вызовы и перспективы для национальной безопасности России” (грант 19-014-00009 А).

ЛИТЕРАТУРА

1. Заседание дискуссионного клуба “Валдай”. Владимир Путин выступил на итоговой пленарной сессии XVI заседания Международного дискуссионного клуба “Валдай”. <http://kremlin.ru/events/president/news/61719> (дата обращения 14.11.2019).
2. *Кашин В.* Необъявленный союз. Как Россия и Китай выходят на новый уровень военного партнёрства. <https://carnegie.ru/commentary/80096> (дата обращения 14.11.2019).
3. *Allison G.* China and Russia: a strategic alliance in the making // *The National Interest*. December 14, 2018. <https://www.nationalinterest.org/feature/china-and-russia-strategic-alliance-making-38727> (дата обращения 14.11.2019).
4. *Труш С.* Пределы солидарности // *Независимая газета*. 06.03.2002. http://www.ng.ru/ideas/2002-03-06/11_solidarity.html (дата обращения 14.11.2019).
5. *Лукин А.В., Кашин В.Б.* Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР // *Сравнительная политика*. 2019. № 10(2). С. 135–151. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10021>
6. Минобороны: военный бюджет США 2019 года в 15 раз превышает российский // *Коммерсант*. 18.12.2018. <https://www.kommersant.ru/doc/3834695> (дата обращения 14.11.2019).